

Земледелие Новосибирской области в контексте аграрной политики государства накануне и в годы Великой Отечественной войны

С. В. Шарапов

Сергей Валерьевич Шарапов, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СО РАН. 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8. E-mail: Sharapovsv1@yandex.ru

Аннотация. В статье на примере Новосибирской области анализируется влияние аграрной политики советского государства на сельскохозяйственную отрасль. Правительственный курс 1930-х годов нельзя назвать сбалансированным: ради краткосрочных выгод наращивания объемов изъятой продукции приносились в жертву долгосрочные перспективы развития сельскохозяйственного производства. Растущие с каждым годом планы посевов и заготовок препятствовали внедрению в Сибири рациональной системы земледелия. К началу 1940-х годов в большинстве колхозов Новосибирской области не соблюдались элементарные агротехнические правила: сокращалась площадь паров, нарушались сроки проведения сельскохозяйственных работ, игнорировались правила ротации культур, в запущенном состоянии пребывало семеноводческое хозяйство. Как следствие, многолетнее засорение и истощение почв в числе прочих факторов стало причиной чрезвычайно низкой урожайности зерновых в годы Великой Отечественной войны. Аграрная политика государства в предвоенные годы вела к быстрому исчерпанию производственного потенциала сельского хозяйства Новосибирской области. К 1941 году регион был доведен до критического состояния, испытывая острую нехватку семенного материала, продовольствия, кормов для скота. В 1942 году советское правительство продолжало слепо завышать посевные задания, явно недооценивая негативное влияние такой политики на производство в условиях сокращения трудовых и тягловых ресурсов. В результате с 1942 года произошло резкое снижение валовых сборов зерновых в регионе. На протяжении всего рассматриваемого периода дисбалансы аграрной политики государства значительно сокращали возможности продуктивного использования потенциала местных сельхозпроизводителей.

Ключевые слова: земледелие, аграрная политика государства, агротехника, Великая Отечественная война, крестьянство

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-1-52-68

Общий вывод советской историографии и современных исследований заключается в том, что военный период 1941–1945 годов привел сельское хозяйство Советского Союза в состояние глубочайшего кризиса (Арутюнян, 1970; Выцлан, 1995; Анисков, 1998; Кондрашин, 2005; Андреенков, Ильиных, 2020, и др.). Сомневаться в такой оценке влияния войны не приходится. Однако структура и предпосылки

сельскохозяйственного кризиса 1940-х годов, на наш взгляд, заслуживают более детального изучения. В частности, вопрос, была ли сверхмобилизация военного времени единственным фактором, приведшим аграрный сектор экономики к истощению в 1945 году? Ведь одно дело считать, что начало войны остановило поступательное развитие сельского хозяйства, и совершенно иное — обнаружить, что война только усугубила кризисные тенденции, которые к 1941 году уже в полной мере проявляли себя. Следует ли строго и неотступно начинать анализ с 1941 года, с момента перехода немецкими войсками границы СССР? Учитывая, что советское руководство вело подготовку к войне заранее, предвоенные годы не менее важны для оценки ее влияния на все отрасли экономики, в том числе и на сельское хозяйство.

В данной статье мы попытаемся на материале Новосибирской области проанализировать состояние земледелия и его динамику в расширенных хронологических рамках, включая и предвоенный период. Такой подход позволит глубже понять характер влияния войны на сельское хозяйство региона. Автор, разумеется, не склонен абсолютизировать полученные результаты исследования, делать на основе одного региона выводы о состоянии сельского хозяйства всей страны. Тем не менее Новосибирская область была частью централизованной системы управления аграрным производством и вместе с другими регионами в полной мере испытывала на себе действие общегосударственной аграрной политики.

Исследование осложняется тем, что границы Новосибирской области за время войны неоднократно менялись: в 1943 году из состава региона была выделена Кемеровская область, а в 1944 году — Томская область. По возможности в статье будут приводиться ряды сопоставимых данных с хронологическим указанием границ региона.

Предвоенный период

До 1937 года территория Новосибирской области входила в состав Западно-Сибирского края. В 1930-е годы здесь продолжался начатый с установлением советской власти курс на форсированное развитие зернового производства. В начале десятилетия политика массовой коллективизации, в ходе которой аграрный сектор экономики подвергся радикальной перестройке, привела к критическому положению как в земледельческой, так и в животноводческой отрасли региона. Восстановление сельского хозяйства после пережитой «революции сверху» началось только в 1933 году (Аграрная политика..., 2011: 539). Главным фактором роста стали интенсивные поставки сельскохозяйственной техники в регион и, как следствие, механизация основных производственных процессов в земледелии. Одновременно проводились мероприятия по улучшению агротехники и внедрению севооборотов. Площадь

паров в Западной Сибири с 1934 по 1937 год возросла в 2,7 раза, а площадь зяби — в 3,5 раза (Аграрная политика..., 2011: 549). Посевы же зерновых выросли к 1938 году по сравнению с 1932 годом на 39% (На аграрном фронте..., 2016: 196).

Несмотря на видимый рост основных показателей, уже к 1937 году стали проявляться заложенные в управленческую и производственную структуру колхозно-совхозной деревни дисбалансы, которые в перспективе последующих нескольких лет негативно влияли как на урожайность, так и на валовые сборы зерновых. Основная проблема заключалась в неспособности создать в Западной Сибири устойчивую и воспроизводимую систему земледелия. Под таковой мы понимаем комплекс технологий и практик, обеспечивающих восстановление, поддержание и повышение плодородия почв. В условиях 1930-х годов объемы использования удобрений оставались мизерными: в 1936 году в колхозах Западно-Сибирского края органические удобрения были внесены всего на 0,8% площади посева яровой пшеницы, а минеральные — на 0,6% (Аграрная политика..., 2011: 552). Основным средством поддержания плодородия почв считалось внедрение правильных севооборотов. С этой целью в 1930-е годы в Западно-Сибирском крае проводились масштабные и дорогостоящие кампании, результативность которых, однако, была минимальной. К началу 1937 года только 8% колхозов имели освоенные севообороты (Аграрная политика..., 2011: 273).

В том же 1937 году официальная позиция по вопросу о типе внедряемой системы земледелия изменилась. На июньском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года было принято решение о переходе в масштабах всей страны от парозерновых севооборотов к травопольным (На аграрном фронте..., 2016: 201). Травопольная система, разработанная известным российским и советским агрономом В. Р. Вильямсом, предполагала повышение плодородия почв за счет введения в севооборот посевов многолетних трав (Там же: 160). Освоение травопольной системы в Западной Сибири происходило крайне медленно и на протяжении всего рассматриваемого периода в колхозах по-прежнему преобладало паровое зерновое трехполье (Ильиных, 2019: 21).

Можно выделить несколько причин, почему внедрение севооборотов в колхозах оказалось столь затруднительным. Сказывалось низкое качество планирования и проведения работ на краевом и районном уровнях. Проекты севооборотов составлялись районными земельными отделами (райЗО) или МТС и не проходили должную экспертизу краевым земельным отделом (крайЗО). В результате на местах часто занимались перенесением на практику некачественных и непроверенных проектов. Для рядовых колхозников не разъяснялись правила соблюдения севооборотов и их значимость для земледелия. В итоге вводимые севообороты на следующий год зачастую забрасывались или требовали переделки (Аграрная политика..., 2011: 273–275).

Однако главным и непреодолимым препятствием являлись противоречия аграрной политики государства. Как парозерновая, так и травопольная система земледелия предполагала выведение части земельного фонда из-под посева культур, имевших товарное значение. Эти территории должны были отводиться либо под пары, либо под посев многолетних трав. Государство при этом настаивало, что внедрение севооборотов не должно сопровождаться сокращением посевов товарных культур, прежде всего зерновых (На аграрном фронте..., 2016: 201).

Единственным способом избежать сокращения посевов, не нарушая при этом правила агротехники, было ускоренное освоение и введение в оборот целинных и залежных земель. Проблема заключалась в том, что Западно-Сибирский край не обладал ни достаточной технической вооруженностью, ни трудовыми резервами, чтобы соразмерить темпы освоения целины с ежегодным ростом государственных заданий по посевным площадям. С 1932 по 1937 год посевная площадь в Западно-Сибирском крае возросла на 1 827 800 га, а освоение новых земель — всего лишь на 350 000 га. Получается, что темпы введения в оборот целины отставали более чем в шесть раз от роста посевных площадей (Аграрная политика..., 2011: 276). Посевы систематически занимали площади, которые должны были быть выделены под пары, тем самым нарушая правила ротации культур и ломая севооборот (Там же). Год за годом политика форсирования зернового производства в Западной Сибири входила во все большее противоречие с намерениями создать в регионе твердую систему земледелия.

После расформирования в 1937 году Западно-Сибирского края в Новосибирской области, при сохранении тенденции расширения посевных площадей, процесс освоения целинных и залежных земель вовсе остановился. В последние годы перед войной доля посевов в составе пахотной площади колхозов постоянно возрастала: в 1938 году она составляла 72,2% пашни, в 1939 году — 74,8%, в 1940 году — 78,2% (табл. 1).

Таблица 1. Динамика площадей пашни и посевов всех культур в колхозах Новосибирской области в 1938–1943 годах (тыс. га)

Годы	1938	1939	1940	1941	1942	1943
Площадь пашни	2644,5	2560,4	2533,6	2223,4	2583,0	2119,1
Посевная площадь	1909,1	1915,5	1982,3	1990,3	2117,1	1738,1

Источник: Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 114.

Примечание: В таблице приводятся сопоставимые данные в границах Новосибирской области 1943 года.

Что означала для земледелия эта тенденция? Негативные эффекты расширения посевной площади за счет сокращения паровой обработки очевидны. При несоблюдении подавляющим большинством колхозов правил агротехники, нарушении элементарных принципов ротации культур посевы производились на выпаханных и засоренных почвах, что негативно влияло на конечную урожайность. Так, фактическая урожайность зерновых в Новосибирской области в 1938 году составила 9,6 ц/га, в 1940 году — 8,1 ц/га, в 1941 году — 6,3 ц/га, в 1942 году — 4,1 ц/га¹.

К уже названным факторам, отрицательно сказывавшимся на состоянии земледелия в области, следует добавить запущенность семеноводческого хозяйства и отсутствие собственной семенной базы в регионе. В 1939 году из числа проверенных в области семян зерновых 92,5% были признаны некондиционными (из них по всхожести — 48,4%), в 1940 году — 77,2% (по всхожести — 28%), в 1941 году — 79,7% (по всхожести — 32,1%), в 1942 году — 78,7% (по всхожести — 33,7%), в 1943 году — 86,7% (по всхожести — 32,9%)². Таким образом, из года в год как минимум $\frac{2}{3}$ семян не соответствовали основным стандартам. Однако учитывая постоянные требования расширения посевных площадей, недоброкачественные семена, как правило, все равно высевались, увеличивая и без того крайне высокую засоренность полей. Сверхнормативное изъятие произведенной продукции в ходе заготовительных кампаний часто порождало дефицит семян. В этом случае колхозы вынуждены были заимствовать их в порядке государственных ссуд, что не позволяло создать в условиях Сибири собственную устойчивую семенную базу.

В 1940 году было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О дальнейшем подъеме зернового хозяйства в колхозах и совхозах восточных районов СССР». В документе были определены целевые показатели развития сельского хозяйства на востоке страны к 1942 году. Так, площадь пашни в колхозах и совхозах восточных районов СССР должна была увеличиться на 4345 тыс. га за счет освоения целинных, залежных и переложных земель. Кроме того, предписывалось в течение трех лет повсеместно завершить введение севооборотов³. Трудно сказать, насколько столь амбициозный план мог быть реализован, если бы не началась война, однако в Новосибирской области уже в 1940 году «целинный» проект со всей очевидностью начал проваливаться. Выполнение планов освоения новых земель требовало увеличения поставок сельскохозяйственной техники за Урал и активизации политики переселения из малоземельных регионов западной части страны

1. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 204. Л. 176 об.

2. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 136.

3. Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. 1940 г. № 10. Ст. 251.

в восточные регионы. Ни по одному из указанных направлений прорыва в 1940 году не произошло.

Материально-техническая база МТС в Новосибирской области в конце 1930-х годов, напротив, стала ослабевать. По количественным показателям тракторный парк продолжал стабильно и ежегодно пополняться. Так, если в 1938 году в МТС области насчитывалось 6722 трактора, то к 1939 году их количество увеличилось до 7292 (в границах области до 1943 года)⁴. Однако простое количественное приращение не отражает степень изношенности тракторного парка. По-прежнему его основу составляли колесные тракторы, введенные в эксплуатацию до середины 1930-х годов⁵. В силу продолжительного использования устаревающая техника подвергалась износу и, как следствие, частым поломкам. К этому стоит прибавить постоянные перебои в поставках горюче-смазочных материалов и слабую оснащенность МТС запчастями. Все указанные факторы в конечном счете влияли на производительность тракторных работ, которая к концу 1930-х годов снижалась быстрыми темпами. В 1938 году выработка на один 15-сильный трактор составила 429 га, в 1939 году — 343 га, 1940 году — 324 га, в 1941 году — 306 га, в 1942 году — 229 га, в 1943 году — 168 га⁶.

Несопоставимыми с планами освоения целины были и темпы переселенческой политики. В 1940 году план переселения в Новосибирскую область полностью провалился. В течение года в регион переехали 15 594 семей, но ввиду отсутствия необходимых условий для обзаведения хозяйством 7904 из них вернулись на прежнее место жительства или осели в городах⁷. Явный срыв плана был признан следствием злоумышленной, «вредительской» деятельности служащих областного переселенческого отдела. Среди арестованных летом 1941 года работников был заместитель начальника отдела С. П. Пулькин. Показания Пулькина, данные во время следствия, свидетельствовали о явном беспорядке в работе ведомства: переселенческий отдел не имел точных сведений о наличии свободных домов для переселенцев (3573 семьи не были заселены в подготовленные дома и ютились во временно отведенных квартирах, зачастую непригодных для жилья). Выдача продовольственных и денежных ссуд задерживалась, и колхозники-переселенцы оставались без хлеба и без средств на обзаведение хозяйством⁸.

4. МТС во второй пятилетке: статистические материалы. М., Ленинград: Госпланиздат, 1939. С. 37; Сельское хозяйство Союза ССР: статистический справочник. М.: Госпланиздат, 1939. С. 8–9.
5. ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 125.
6. Там же. Л. 124–125.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 107.
8. Там же. Д. 36. Л. 76–84.

Точно так же на «вредительскую» деятельность были списаны и провалы политики внедрения севооборотов в области. Тогда же, летом 1941 года, были арестованы работники управления землеустройства Новосибирского облЗО: начальник управления К. Н. Вьюков, главный инженер Б. И. Агроскин, старший инженер-землеустроитель Н. И. Лукьянов. Б. И. Агроскин свидетельствовал, что в мае 1940 года при обсуждении с К. Н. Вьюковым упомянутого постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) начальник управления стал в резкой форме критиковать намерения правительства и партии, утверждая, что «для Новосибирской области решение ввести севообороты за три года нереально и выполнимо быть не может»⁹. Следуя довольно странной логике показаний Б. И. Агроскина, этот разговор послужил началом их совместных «антисоветских» действий.

Аграрная политика государства во второй половине 1930-х годов оказывала очевидно деструктивное воздействие на земледелие региона, которому предъявлялись явно завышенные требования по поставкам готовой продукции. Резкий рост натурального налогообложения пришелся на предвоенные 1939–1940 годы. В 1939 году планы натуроплаты за работы МТС стали рассчитываться на основе так называемой биологической урожайности. Она измерялась на корню без учета неизбежных потерь урожая во время уборки и обмолота. Тем самым планы натуроплаты оказывались искусственно завышены. В следующем, 1940 году была реформирована система обязательных поставок продукции колхозами. Отныне поставки зерновых культур, подсолнечника, картофеля, овощей, сена, льна, конопли начислялись с каждого гектара пашни, закрепленной за колхозами, независимо от того, засеивались эти площади или нет (до этого единицей обложения был гектар планируемых посевов). Та же система в итоге была распространена и на продукцию животноводства (Ильиных, 2004: 130).

Сельское хозяйство Новосибирской области оказалось совершенно неподготовленным к внедрению в 1940 году этого нового принципа. В области на тот момент отсутствовали точные сведения о землеобеспеченности колхозов. В результате облЗО направил в Москву завышенные данные о площадях, подлежащих обложению, включив в них неосваиваемые земли, залежи и перелоги. Несмотря на многочисленные просьбы со стороны Новосибирского обкома, адресованные в народный комиссариат заготовок СССР, необходимые коррективы так и не были внесены. На январь 1945 года за колхозами области числилось 2784 тыс. га облагаемой земельной площади, из них 730 тыс. га представляли собой залежи и перелоги¹⁰. В результате 47% колхозов области имели облагаемой

9. Там же. Л. 154.

10. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 204. Л. 24.

пашни свыше 15 га на один двор¹¹. Все это ставило многоземельные колхозы в тяжелое положение, ослабляя их экономику, а накопление из года в год недоимок приводило к утрате перспективы выполнения планов поставок государству.

Ошибки, связанные с введением в 1940 году погектарного принципа обложения обязательными зернопоставками, уже в военное время признал секретарь и заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) А. А. Андреев. В 1943 году он направил И. В. Сталину подробную записку, в которой обозначил ряд слабых мест в аграрной политике государства. В числе прочего Андреев указывал, что погектарный принцип слабо учитывал специфику ряда регионов, прежде всего Поволжья и Сибири, в которых преобладали многоземельные колхозы. По его мнению, практика хлебозаготовок показала, что сравнительно лучше выполняли план колхозы, в которых больше людей и меньше земельная площадь. Многоземельные колхозы, где нагрузка на трудоспособного колхозника и тягло высокая, оставляли с выполнением плана, накапливая задолженности, постоянно страдали от недостатка семян, а количество зерна, выдаваемого на трудодни, было сравнительно малым. Вследствие этого у колхозников снижался стимул к артельному труду, а сам колхоз становился отстающим и хронически нуждающимся в помощи. «Мы явно недобираем в заготовках известную часть зерна и других сельскохозяйственных продуктов, — писал Андреев, — из-за того, что одни колхозы, сравнительно малоземельные, получили облегчение при погектарной сдаче в сравнении с прежним порядком заготовок, а колхозы многоземельные не в состоянии выполнить своих планов заготовок»¹².

Резкий рост хлебозаготовок (план 1939 года для Новосибирской области вырос на 11%, а в 1940 году на 8% по сравнению с 1938 годом)¹³ не сопровождался повышением валовых сборов зерна. В 1938 году «биологический» валовый сбор в области составил 35,2 млн ц, в 1939 году — 35,3, а в 1940 году — 26,2 (Ильиных, Лапердин, 2020: 500). При таких условиях изъятие продукции происходило за счет внутриколхозного потребления. Так, в 1937 году на оплату трудодней в области пошло 29,1% от валовых сборов зерна. В среднем колхознику выдавалось 4,2 кг зерна на трудодень. В 1938 году процент снизился до 23,8, а средняя оплата трудодня составляла 3,3 кг зерна. В 1939 году оба показателя снова снизились: 16,7% и 2 кг на трудодень соответственно. Наконец, в 1940 году процент от валовых сборов упал до 13,3, а средняя оплата трудодня до 1,1 кг зерна¹⁴. Таким образом, в течение четырех лет количество

11. Там же. Оп. 7. Д. 314. Л. 146.

12. РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 21. Л. 198.

13. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8040. Оп. 3. Д. 871. Л. 66.

14. РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 49.

выдаваемого на трудодни зерна снижалось не только в абсолютном выражении, но и относительно валовых сборов. Тем самым колхозное крестьянство постепенно лишалось экономических стимулов к участию в артельных работах.

Планы посевов и заготовок не учитывали состояния агротехники, наличного фонда обрабатываемых земель, воспроизводства семенной базы и других показателей, важных для развития земледелия. Такое положение дел не было спецификой Сибири или Новосибирской области, правительственный курс на расширение посевных площадей негативно сказывался на культуре земледелия в масштабах всей страны (Трагедия советской деревни..., 2002: 27–29; Мерль, 2015: 93).

Безответственная аграрная политика неизбежно вела к быстрому исчерпанию производственного потенциала сельского хозяйства региона. Усилившийся в конце 1930-х годов нажим на деревню следует напрямую связать с ухудшением международной обстановки и началом Второй мировой войны. Правительство очевидно стремилось наращивать государственные резервы. Однако политика выкачивания из деревни ресурсов любой ценой в условиях, когда государство не вело войны на своей территории, была сопряжена с высокими рисками. Опасность заключалась в перспективе довести сельское хозяйство регионов до критического состояния в преддверии событий, которые бы напрямую поставили государство перед угрозой уничтожения. Этот худший сценарий развития событий реализовался сразу в двух регионах Западной Сибири — Новосибирской области и Алтайском крае. Завышенные хлебозаготовительные планы 1940 года наложились на крайне низкие урожаи зерновых, вызванные летней засухой. В результате регионы оказались без семян на следующий год, кормов для скота (что вызвало массовый его падеж) и с острой нехваткой продовольствия (Шарапов, 2021). О масштабах продовольственных затруднений косвенно свидетельствуют материалы перлюстрации писем, осуществлявшейся органами НКВД, которые подвергали контролю 5–6% всей корреспонденции, проходящей через Новосибирский почтамт. Как следует из докладной записки, поступившей к А. А. Андрееву, органами НКВД в период с 1 января по 10 июня 1941 года было установлено 621 письмо, в котором отправители сообщали родственникам и знакомым о голоде в ряде колхозов Новосибирской области, а также о тяжелом продовольственном положении в самом городе Новосибирске¹⁵.

Удивительно, но именно в 1941 году, когда западные регионы страны оказались под оккупацией, а потребность в хлебе из-за Урала резко возросла, государство вынуждено было ослабить нажим натурального налогообложения и предоставить семенную и продовольственную помощь регионам Западной Сибири.

15. РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 36. Л. 67.

Хлебозаготовительный план 1941 года оказался ниже плана относительно спокойного 1938 года на 7,4%¹⁶. Критическое состояние, в котором оказалось сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края в начале Великой Отечественной войны, следует считать прямым следствием несбалансированной государственной аграрной политики в предвоенные годы.

Военный период

Война, цена поражения в которой была настолько велика, что перевешивала любые издержки сверхмобилизации, предоставила универсальное оправдание перегибам государственной политики в 1941–1945 годы. Перед лицом столь великой угрозы теряла свое значение забота о воспроизводстве людских и материальных ресурсов или соблюдении баланса производства и потребления. Несмотря на все оговорки, связанные с чрезвычайным характером ситуации, некоторые решения политического Центра в отношении сельского хозяйства стоит подвергнуть критике. Одним из них было продолжение в условиях военного времени политики ускоренного расширения посевных площадей на востоке страны. Повторимся, что в 1941 году государство предоставило некоторые послабления Новосибирской области, учтя критическое состояние земледелия и животноводства. Положение оставалось тяжелым — плотность посевов в 1941 году достигла максимального за ряд предыдущих лет показателя — 89,5% пашни (см. табл. 1). На таком фоне задания расширить в 1942 году посевы зерновых культур на 200 тыс. га, а технических — на 48 тыс. га¹⁷ выглядели весьма амбициозными.

Уже в 1930-е годы курс на расширение посевных площадей не подкреплялся достаточным пополнением трудовых и тягловых ресурсов. С началом войны это противоречие было доведено до крайности. Призыв в армию и на работу в промышленность резко сократил количество трудоспособного населения в сельских районах области. Если в колхозах области в 1941 году числилось 403,3 тыс. чел. трудоспособных, то к 1942 году их количество сократилось до 320 тыс., а к 1943-му — до 288 тыс. (не считая детей и подростков). При этом нагрузка на одного трудоспособного выросла с 4,9 га в 1941 году до 7,2 га в 1943 году. Следует учитывать, что приведенные данные были рассчитаны исходя из списочного состава трудоспособного населения. Фактическая же нагрузка была значительно выше. В отдельных районах (Черепановском, Купинском, Чистоозерном и др.) она превышала 15 га на человека¹⁸. Значительно изменился и качественный состав трудоспособного

16. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 871. Л. 66.

17. Советская Сибирь (Новосибирск). 1942. 10 янв.

18. ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 304. Л. 66(об.)–67.

населения, которое теперь состояло главным образом из женщин, имевших детей и личное хозяйство, а также незначительного количества мужчин, негодных к военной службе. Частично проблема нехватки рабочей силы решалась путем временной мобилизации на сельскохозяйственные работы незанятого городского населения, которое также в основном состояло из женщин-домохозяек.

Состояние МТС области, ослабленных в результате мобилизаций техники и призыва на фронт опытных механизаторов, не соответствовало планам сельскохозяйственных работ. Во время войны мобилизации подвергались наиболее мощные и исправные гусеничные тракторы, поступавшие в область с 1938 года¹⁹. В распоряжении МТС оставалась устаревшая техника, длительное время находившаяся в эксплуатации. Негативно сказывалась острая нехватка запчастей, вызванная тем, что переориентированная на военные нужды промышленность производила их по остаточному принципу. Так, в 1943 году поставка запчастей через централизованные фонды покрыла всего 18,1% от потребности, а с учетом изыскания внутренних ресурсов процент обеспечения МТС запчастями составил 57,6%²⁰. Отдельную проблему представлял недостаток опытных механизаторов. Несмотря на введение краткосрочных курсов подготовки трактористов и комбайнеров, их компетенция оставалась на низком уровне. Следствием нерадивого обращения с техникой был перерасход горючего, низкая производительность, постоянные поломки. Планы тракторных работ и комбайновой уборки в годы войны систематически не выполнялись, а несвоевременное выполнение сельскохозяйственных работ вело к понижению урожайности.

Продолжая политику расширения посевных площадей на востоке страны в военное время, государство следовало упрощенной логике: чем больше площадей будет занято посевами, тем больше урожая будет собрано. Ориентируясь на простоту и администрируемость принимаемых решений, командно-административная система упускала из виду ряд значимых факторов, влиявших на продуктивность земледелия. При нехватке техники и тягловой силы, сокращении паровой обработки земли, нарушении сроков посева и уборки, небольших объемах внесения удобрений расширение посевных площадей обернулось значительным снижением урожайности. В результате валовые сборы зерновых в колхозах области в 1942 году по сравнению с предыдущим годом сократились на 29% (Аругян, 1970: 421–423).

В этой связи следует признать политику форсированного расширения посевных площадей непродуманной и ошибочной. Возведение в абсолют количественных показателей прироста посевов

19. Там же. Д. 314. Л. 125.

20. Там же. Д. 304. Л. 37.

при несоблюдении агротехнических правил нанесло значительный ущерб производству. На неразумность существовавшей системы управления земледелием указывал в 1942 году в личной записке на имя первого секретаря Новосибирского обкома М. В. Кулагина агроном-директор Томской льняной опытной станции В. А. Стенин: «У нас вошло в привычку в руководстве полеводством считать только гектары. Не выполнены гектары — бьют. Поехал в колхоз уполномоченный, гонит цифры гектар, ему совершенно нет заботы о севообороте, об агротехнике, об урожае. В районе считают эти же цифры гектар. Гектары это все. Засеяно 100% — хвалят, засеяно 105% — премируют. А качество, а существо? О нем и пишется, и говорится, но оставляется без контроля и без выполнения. Тогда как совершенно ясно, что от полеводства нужны в конечном счете не гектары, а центнеры продукции и выполнение условий, создающих эти центнеры»²¹.

Задача расширения посевных площадей любой ценой провоцировала районное и колхозное руководство на абсурдные действия. В упомянутой записке В. А. Стенина приводится следующий характерный эпизод: «Кому нужно такое расширение посевов, как это имело место в Томском районе в 1942 г., к сожалению не являющимся исключением, когда с 15 по 25 июня вопреки всякому здравому смыслу, без какого-либо соблюдения агротехнических правил засеяли около 2 тыс. га семенами проса, взятыми из ликероводочного треста, неизвестного происхождения и всхожести. О стопроцентном выполнении плана рапортовали, кое-кто сохранил партбилет и прочее. А результат — обман государства и народа, испорченные 60 ц крупы, которыми можно было бы порядочное количество времени кормить дивизию, так как эти посеы ничего, или почти ничего, не дали, кроме засорения земли. Я был свидетелем того, как в трех колхозах — «Имени Ворошилова», «Заветы Ленина», «Ударник» — 22 июня действительно сеяли, разбрасывали по полю семена, а не съели их, и как в августе месяце эти же поля с одиночными растениями проса перепахивались под рожь»²².

Сверхнормативное изъятие зерна в ходе заготовительной кампании 1942 года вновь породило острую нехватку семенного материала, которую в условиях войны уже невозможно было компенсировать за счет предоставляемых государством ссуд. Недостаток семян, равно как и людских и тяговых ресурсов, спровоцировал значительное снижение посевных площадей в 1943 и 1944 годах. К тому же посеянные почти исключительно по весенней вспашке и при растянутых сроках сева зерновые в большей мере были подвержены воздействию неблагоприятных климатических факторов. В конце июля и в течение августа 1943

21. ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 235. Л. 275.

22. Там же. Л. 274.

года Западную Сибирь в очередной раз поразила засуха, которая привела к наибольшему за все годы войны снижению валовых сборов зерна. В колхозах Новосибирской области валовый сбор в 1943 году был на 53,4% ниже уровня 1941 года (Арутюнян, 1970: 421, 424). Засуха 1943 года вела за собой негативные последствия и для урожая следующего года, создав неблагоприятные условия (сухость почвы) для высева озимых²³. Несмотря на некоторое снижение бремени натурального налогообложения, в 1944 году валовые сборы зерновых оставались на низком уровне.

В годы войны произошли существенные изменения в структуре посевов. Говоря о составе зерновых культур, необходимо указать прежде всего на резкое сокращение площади яровой пшеницы. В колхозах области она снизилась с 876,2 тыс. га в 1940 году до 476,9 тыс. га в 1943 году, т. е. на 42% (в границах региона на 1943 год). Удельный вес яровой пшеницы в структуре посевов уменьшился с 47% до 28%. Существенно сократились посевы овса и гречихи, при резком (в 10 раз) увеличении посевов проса. Значение проса возросло с 1942 года в связи с недостатком семян других культур при необходимости выполнять государственные задания по посевным площадям. Низкая норма высева семян данной культуры на гектар посева позволила колхозам повысить выполнение планов весеннего сева²⁴.

Еще одной характерной чертой военного времени стало расширение площади озимых посевов. Данная мера была продиктована правительством, которое рассчитывало, что увеличение озимого клина будет способствовать равномерному распределению трудовой нагрузки на людей и технику в течение года. В колхозах области посевные площади озимых культур возросли с 284,4 тыс. га в 1940 году до 488,9 тыс. га в 1943 году, или почти вдвое (в границах области на 1943 год). Их удельный вес в общей посевной площади по колхозам за тот же период увеличился с 14,3% до 28,1%; удельный вес яровых посевов, соответственно, снизился с 85,7% до 71,9%²⁵. В составе технических культур произошло сокращение посевных площадей по ценным техническим культурам (льну и конопле) и значительное увеличение посевов рыжика²⁶.

Всего же за период 1941–1945 годов в области посевы зерновых культур по всем категориям хозяйств сократились на 37,1%, технических культур на 16,9%, кормовых культур на 59,9%, однолетних трав на 72,4%, многолетних на 62,2%. Рост наблюдался только по посевам овощей и картофеля в основном за счет личных подсобных хозяйств колхозников (табл. 2).

23. РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 21. Л. 211.

24. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 251.

25. Там же. Л. 250.

26. Там же. Л. 112.

Таблица 2. Посевные площади различных культур в Новосибирской области в 1940–1945 годах по всем категориям хозяйств (тыс. га)

Годы	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Зерновые культуры	2005,3	2024,5	2068,3	1727,3	1285,7	1274,1
Яровая пшеница	1059,4	992,7	942,8	572,8	438,2	504,8
Технические культуры	89,8	71,6	120,8	110,2	63,8	59,5
Овощи	9,0	10,9	13,4	18,6	17,4	17,1
Картофель	74,5	66,0	83,1	99,5	111,0	112,1
Кормовые культуры	97,0	113,8	114,2	88,7	65,8	45,6
Однолетние травы	24,6	29,0	18,0	6,0	6,4	8,0
Многолетние травы	137,7	176,3	174,1	146,0	107,0	66,6

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 159, 175, 197, 233, 256, 264, 272.

Примечание: В таблице приведены сопоставимые данные в границах Новосибирской области на 1945 год.

Важным сопроводительным фактором, негативно влиявшим на производительность земледелия, было чрезмерное натуральное налогообложение. Вероятно, с точки зрения власти, заведомо завышенные заготовительные планы должны были служить инструментом мобилизации, подталкивая колхозное крестьянство к борьбе за их выполнение. Однако стоит усомниться в правильности такого расчета. Невыполнимые планы, полностью оторванные от экономических реалий, скорее оказывали обратный эффект, лишая колхозников стимула к артельным работам в условиях, когда рассчитаться с государством заведомо не представлялось возможным (от этого зависел и остаток хлеба, распределяемый на трудодни). В годы войны большинству колхозов области не хватало зерна для выдачи в порядке окончательного расчета по трудодням в конце хозяйственного года. Колхозники получали хлеб лишь в период уборочных работ в виде 15% аванса от сданного государству²⁷. Обесценивание трудодня лишало привязки натуральных доходов крестьян к колхозному хозяйству, переносил акцент на личное подсобное хозяйство. За годы войны выдача зерна на трудодень в области сократилась с 1113 гр. в 1941 году до 420 гр. в 1944 году, т. е. на 62,3%²⁸.

27. ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 246.

28. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 124.

С. В. Шаранов

Земледелие Новосибирской области в контексте аграрной политики государства накануне и в годы Великой Отечественной войны

ИСТОРИЯ

Вплоть до 1943 года аграрная политика государства в отношении Новосибирской области не претерпевала значительных изменений. Даже начавшаяся в 1941 году война не внесла заметных коррективов. Курс правительства по-прежнему сводился к форсированию зернового производства в регионе на основе постоянного расширения посевных площадей. Быстрый рост последних на протяжении 1930-х и начала 1940-х годов происходил без учета остальных показателей сельского хозяйства области. Расширение посевов не сопровождалось ни установлением твердой системы земледелия, ни достаточным для освоения целины приростом сельского населения и тягловых сил. Уже в предвоенные годы высокая насыщенность колхозов землей при относительной стабильности или незначительном росте количества колхозных дворов, рабочей силы и тягла привела к чрезмерной посевной нагрузке для значительной части колхозов. С началом войны ухудшение работы тракторного парка, сокращение трудоспособного населения и живого тягла только усугубило положение дел. В итоге многолетнее истощение и засорение почв было важным фактором низкой урожайности зерновых в годы войны.

Сельское хозяйство Новосибирской области к началу войны было доведено до критического состояния политикой хищнического выкачивания продукции. И если сверхмобилизации в условиях войны имели оправдание, то истощающая производственный потенциал аграрная политика в мирное время необъяснима ничем, кроме недальновидности системы управления сельским хозяйством. Продолжая в начале войны по инерции завышать планы посевных площадей, власть провоцировала сельхозпроизводителей на полное игнорирование правил агротехники, что привело к резкому снижению валовых сборов зерна в области с 1942 года и до конца войны. Низкое качество управления сельским хозяйством как со стороны центральных, так и со стороны местных органов власти на протяжении всего рассматриваемого периода значительно снижало возможности продуктивного использования сельскохозяйственного потенциала региона.

Библиография

- Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. (2011). Новосибирск: Ин-т истории СО РАН.
- Андреенков С. Н., Ильиных В. А. (2020). Сельское хозяйство Сибири в 1941–1945 гг.: динамика и организационно-производственная структура // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 27. № 4. С. 5–12.
- Анисков В. Т. (1998). Война и судьбы российского крестьянства. Вологда: издательство Вологодского ИПК и ППК.

- Арутюнян Ю. В. (1970). Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука.
- Выцлан М. В. (1995). Крестьянство России в годы Большой войны. 1941–1945 гг.: Пиррова победа. М.: РНФ.
- Ильиных В. А. (2004). Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х — начало 1950-х гг. Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН.
- Ильиных В. А. (2019). Внедрение паротравополя в Сибири во второй половине 1930-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 26. № 1. С. 17–22.
- Ильиных В. А., Лапердин В. Б. (2020). Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск: СО РАН.
- Кондрашин В. В. (2005). Крестьянство и сельское хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 7. № 2. С. 289–300.
- Мерль Ш. (2015). Как удалось Сталину воспрепятствовать «зеленой революции» в России? К вопросу о торможении аграрно-технического прогресса (1927–1941) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Вып. 10. М.: Дело. С. 88–147.
- На аграрном фронте Сибири. Кампания 1932–1933 гг. (2016). Новосибирск: Сибпринт.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы (2002). В 5 т. Т. 4. 1934–1936. М.: РОССПЭН.
- Шарапов С. В. (2021). Сельское хозяйство Новосибирской области и Алтайского края накануне Великой Отечественной войны: экономический и социально-политический аспекты // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 28. № 1. С. 81–88.

С. В. Шарапов
Земледелие Новосибирской области в контексте аграрной политики государства накануне и в годы Великой Отечественной войны

Agriculture of the Novosibirsk Region under the state agrarian policy on the eve and during the Great Patriotic War

Sergey V. Sharapov, PhD (History), Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 630090, Novosibirsk, Nikolaeva St., 8. E-mail: Sharapovsv1@yandex.ru

Abstract. The article considers the impact of the Soviet state agrarian policy on the agricultural production in the Novosibirsk Region. In 1930s, the government was not far-sighted: for short-term gains (growth of production volumes) the long-term prospects were sacrificed. The ever-growing state plans for sowing and harvesting prevented the development of the rational agricultural system in Siberia. By the early 1940s, in most collective farms of the Novosibirsk Region, elementary agrotechnical rules were broken: fallow lands were reduced, deadlines for agricultural work were not kept, rules for crop rotation and seed production were ignored. Therefore, the long-term clogging and depletion of soils, among other factors, determined extremely low grain yields during the Great Patriotic War. In the prewar period, the state agrarian policy led to the rapid depletion of the agricultural production in the Novosibirsk Region. By 1941, the region was in a critical situation of an acute shortage of seeds, food, and livestock feed. In 1942, the Soviet government continued its blind sowing policy and obviously underestimated the negative impact of such a policy on production under the reduction in labor and inputs. Planning errors led to a sharp reduction in gross grain harvests from 1942. Until the end of the war, the Soviet agriculture was negatively affected by the short-sighted state policies that significantly reduced possibilities for the productive use of the local agricultural potential.

Key words: agriculture, state agrarian policy, agricultural technology, Great Patriotic War, peasantry

- ИСТОРИЯ *Agrarnaja politika sovetского gosudarstva i selskoe hozjajstvo Sibiri v 1930-e gg.* (2011) [Agrarian Policy of the Soviet State and Agriculture of Siberia in 1930s], Novosibirsk: Institut istorii SO RAN.
- Andreenkov S. N., Il'inyh V. A. (2020) Selskoe khozjajstvo Sibiri v 1941–1945 gg.: dinamika i organizatsionno-proizvodstvennaja struktura [Siberian agriculture in 1941–1945: Dynamics and organization-production structure]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 27, no 4, pp. 5–12.
- Aniskov V. T. (1998) *Vojna i sudby rossijskogo krestjanstva* [War and Fates of the Russian Peasantry], Vologda: Izdatelstvo Vologodskogo IPK i PPK.
- Arutjunjan Yu. V. (1970) *Sovetskoe krestjanstvo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Soviet Peasantry during the Great Patriotic War], Moscow: Nauka.
- Vyklan M. V. (1995) *Krestjanstvo Rossii v gody Bolshoj vojny. 1941–1945 gg.: Pirrova pobeda* [Russian Peasantry during the Great War. 1941–1945: Pyrrhic Victory], Moscow: RNF.
- Il'inyh V. A. (2004) *Nalogovo-podatnoe oblozhenie sibirskoj derevni. Konets 1920h — nachalo 1950-h gg.* [Taxation of the Siberian Village. Late 1920s — Early 1950s], Novosibirsk: GUP RPO SO RASHN.
- Il'inyh V. A. (2019) Vnedrenie parotravopolja v Sibiri vo vtoroj polovine 1930-h gg. [Introduction of the fallow grassland agriculture in Siberia in the second half of the 1930s.] *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 26, no 1, pp. 17–22.
- Il'inyh V. A., Laperdin V. B. (2020) *Khlebozagotovki v Sibiri v 1930-e gody* [Grain Procurement in Siberia in the 1930s], Novosibirsk: SO RAN.
- Kondrashin V. V. (2005) Krestjanstvo i selskoe khozjajstvo SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Peasantry and agriculture of the USSR during the Great Patriotic War]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*, vol. 7, no 2, pp. 289–300.
- Merl S. (2015) Kak udalos Stalinu vosprejats' 'zelenoj revoljutsii' v Rossii? K voprosu o tormozhenii agrarno-tehnicheskogo progressa (1927–1941) [How did Stalin manage to prevent 'green revolution' in Russia? On the inhibition of the agrotechnological progress (1927–1941)]. *Krestjanovedenie. Teorija. Istorija. Sovremennost*, vol. 10, Moscow: Delo, pp. 88–147.
- Na agrarnom fronte Sibiri. Kampanija 1932-1933 gg.* (2016) [On the Agrarian Front of Siberia. 1932-1933 Campaign], Novosibirsk: Sibprint.
- Tragedija sovetской derevni. Kollektivizatsija i raskulachivanie. 1927–1939: Dokumenty i materialy* (2002) [Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dekulakization. 1927–1939: Documents and Materials] in 5 vols., vol. 4. 1934–1936, Moscow: ROSSPEN.
- Sharapov S. V. (2021) Selskoe khozjajstvo Novosibirskoj oblasti i Altajskogo kraja nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny: ekonomichesky i sotsialno-politichesky aspekty [Agriculture of the Novosibirsk and Altai Regions on the eve of the Great Patriotic War: Economic and social-political aspects]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 28, no 1, pp. 81–88.